

“БЕСКОНФЛИКТНАЯ АРКТИКА”: PRO ET CONTRA

© ЛАБЕЦКАЯ Е.О., 2021

ЛАБЕЦКАЯ Екатерина Олеговна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора общих проблем международных отношений отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (lbtskaya@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-4144-4444.

Лабецкая Е.О. “Бесконфликтная Арктика”: Pro et Contra. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2021, № 4, сс. 34-46. DOI: 10.20542/afij-2021-4-34-46

DOI: 10.20542/afij-2021-4-34-46

УДК: 339.9(4)

Статья поступила в редакцию 26.09.2021.

Статья принята редакцией 15.12.2021.

Анализируя усиливающуюся напряженность в мире и в Трансарктике¹, автор акцентирует наличие в регионе дремлющего конфликтогена (ген конфликта) и необходимость его учета Россией при реализации своего председательства в Арктическом совете (АС) в 2021–2023 гг. В работе используется методика *case-study*, системный и пространственный подход, дискурс-анализ, накопленный автором 15-летний журналистский багаж *VIP*-интервью и собственных наблюдений на “полях” международных форумов. Не приемля бытовавшие на протяжении минувшего десятилетия мнения об Арктике как “бесконфликтном регионе”, автор выделяет спектр угроз, чреватых пробуждением конфликтогена, провокативного фактора, способного привести к возникновению конфликтной ситуации.

Ключевые слова: Арктика, Трансарктика, конструктивизм, секьюритизация, политический реализм, конфликтоген, геополитика, Арктический совет, НАТО, Трансатлантика, Транстихоокеания.

Проблема бесконфликтности Арктики далеко не нова. В “нулевые” XXI в. можно было наблюдать горячие дискуссии по этой теме на экспертном уровне как в России, так и за рубежом. Поначалу в российском и международном политическом дискурсе преобладало мнение, будто Арктике конфликты не грозят. Автор, категорически не разделяя эту иллюзию, призвала учитывать при планировании российской арктической политики фактор “дремлющего” в Трансарктике конфликтогена [1; 2; 3]. Ибо изначально было очевидно, что отсутствие открытого конфликта в регионе отнюдь не означало, что сохранявшийся в высоких широтах со времен холодной войны конфликтный потенциал не только не исчез, но и пополнился новыми триггерами. При этом, не теряя своего содержания, он лишь трансформировался в форму дремлющего конфликтогена.

Отметим, что в международном дискурсе толчком к дискуссии о назревающих конфликтах в высоких широтах послужила публикация в 2008 г. в журнале *Foreign Affairs* статьи С. Борджерсона “Арктическая переплавка: последствия глобального потепления для экономики и безопасности” [4]. Дискурс-анализ развернувшихся споров, несомненно, достоин монографии. Но в силу ограничений журнального жанра коротко остановимся

¹ Термин Трансарктика (*Trans-Arctic*, по аналогии с *Trans-Atlantic* и *Trans-Pacific*) введен автором в 2014 г. в рамках пространственного подхода к изучению политических процессов арктического макрорегиона. Трансарктика – формирующееся в XXI в. виртуальное транснациональное политическое пространство мирового Заполярья, его гуманитарно-геополитическая надстройка [1; 2; 3].

на нынешнем, “постнулевом” временном этапе, знаменательном подвижками в мировой политике на высшем уровне при еще сохраняющихся, но отнюдь не преобладающих в дискурсе апологетах “бесконфликтности Арктики” на экспертном уровне.

Нюансы подходов на высшем политическом уровне наиболее ярко высветились на пленарном заседании “Арктика. Океан возможностей”, состоявшемся в рамках V Международного арктического форума “Арктика – территория диалога” (Санкт-Петербург, 2019 г.).

Завуалированная обеспокоенность опасностью пробуждения арктического конфликтогена прозвучала в международном формате в выступлениях лидеров арктических государств на упомянутой сессии “Арктика. Океан возможностей”, посвященной геополитической ситуации в регионе². Спикерами выступили президент Российской Федерации Владимир Путин, президент Финляндской Республики Саули Ниинистё, президент Республики Исландия Гудни Торлациус Йоханнессон, премьер-министр Королевства Норвегия Эрна Сульберг и премьер-министр Королевства Швеция Стефан Лёвен.

С. Ниинистё, констатируя “внешнюю неопределенность и напряженность за пределами Арктики”, подчеркнул, что “к сожалению, мы не можем исключить возможности конфронтации с точки зрения политики и власти”. И уточнил: “Растет риск конфронтации по мере того, как растет количество участников. Прежде всего, я имею в виду конфронтацию и возможность нарушить хрупкий природный баланс в Арктике (курсив мой. — Авт.)”. Напомнив присутствовавшим алгоритм создания Арктического совета (АС), он уточнил: “Вопросы безопасности, военной безопасности всегда оставались за пределами арктической повестки АС. Мы делали это намеренно, и это часть нашего успеха. И нет причин, по которым мы должны были бы менять такой мандат Совета. Однако, просто исключая эти вопросы из повестки Совета, мы не сможем от них отмахнуться. Совместно арктические страны должны изыскать другую возможность, чтобы с полной ответственностью решать эти вопросы (курсив мой. — Авт.)”. Солидарен с ним и исландский коллега Г.Т. Йоханнессон: “Крайне важно, что АС – это эффективная площадка для диалога. Жесткие меры безопасности намеренно остаются в стороне, мы ищем способы мирного решения конфликтов... (курсив мой. — Авт.)”.

Премьер Норвегии Э. Сульберг, обсуждая проблему мира и стабильности в Арктике, акцентировала: “Иногда мы слышим о том, что Арктика – это очаг геополитической напряженности. Мы видим Арктику иначе. Мы знаем, что Арктика – это регион мира и стабильности.... Это результат политических решений и практического сотрудничества между арктическими государствами (курсив мой. — Авт.)”.

Шведский премьер С. Лёвен, соглашаясь с коллегами, что сохранение Арктики регионом с низкой напряженностью должно быть “стратегической целью”, все же отметил: “Глобализация несет свои вызовы и сложности, и, безусловно, ситуация меняется и для Арктики (курсив мой. — Авт.)”.

Контекстный дискурс-анализ оценок, высказанных лидерами арктических государств касательно АС и ситуации в регионе, невольно заставляет вспомнить ключевые постулаты теории конструктивизма/секьюритизации и задуматься, а не стало ли создание АС 19 сентября 1996 г. в Оттаве³, затянувшееся на несколько лет, отчасти и их плодом. Это объяснило бы последующий навязчивый дискурс о бесконфликтности

² См. стенограмму выступлений лидеров арктических государств на пленарной сессии “Арктика. Океан возможностей” V Международного арктического форума “Арктика – территория диалога”: Пленарное заседание Международного арктического форума [Plenary Session of the International Arctic Forum. (In Russ.)] Available at: <https://forumarctica.ru/news/plenarnoe-zasedanie-mezhdunarodnogo-arkticheskogo-foruma/> (accessed 23.08.2021).

³ Хотя АС был инициирован как “политический форум высокого уровня”, предполагавший участие глав внешнеполитических ведомств, на процедуру его учреждения в Оттаву из восьми глав дипломатии прибыли лишь двое – от Канады и Исландии, других представляли делегаты более низкого ранга.

Арктики. Весьма сомнительный на фоне сохранявшихся шагов по милитаризации Северной Атлантики и сдерживанию новой России с “беззубой” внешней политикой ее тогдашнего министра иностранных дел А.В. Козырева (октябрь 1990 – январь 1996 г.), “фаната” Севера и депутата ГД РФ от Мурманской области. Недаром “Мурманские инициативы”⁴ от 1 января 1987 г. последнего Генсека ЦК КПСС (1985–1991) М.С. Горбачева и арктические взгляды А.В. Козырева до сих пор тепло вспоминают на Западе [5, сс.15, 20].

Ситуация в Арктике действительно меняется, в том числе и ее восприятие Россией. Так, 2020 г. принес в российский властный дискурс кардинальные изменения. Они обусловлены пополнением нормативной базы России двумя актами стратегического планирования: “Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года”⁵ и “Стратегия развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года”⁶.

Содержащиеся в документах четкие формулировки не оставили места конструктам западных теорий. Одним из основных вызовов национальной безопасности РФ документы называют рост в Арктике “конфликтного потенциала” и ставят задачу повышения в российской Арктической зоне (АЗ РФ) боевых возможностей, как вооруженных сил РФ, так и других российских воинских формирований.

Сегодняшняя Арктика – далеко не умиротворенное “белое безмолвие”, а сформировавшееся транснациональное политическое пространство (Трансарктика) со своими институтами, разнокалиберными акторами (региональными и внерегиональными) с их противоречивыми интересами и нарастающей конкуренцией как проекцией глобализации. В этой связи встает вопрос, обусловлены ли новые оценки ситуации в Трансарктике (в экспертном дискурсе РФ и других стран региона) секьюритизацией (конструктивистская концепция) трендов Арктики или же торжеством политики реализма?

Вспоминается шуточный комментарий заместителя главного редактора журнала “Россия в глобальной политике” А.В. Соловьева по поводу конструктивизма: “В итоге складывается бартовская (семиотика Р. Барта. – **Авт.**) ситуация обоснования означаемого через означающее, а система знаков перерастает в систему фактов, с которыми приходится иметь дело уже практикам, поскольку к реальному политическому руководству конструктивистов – к добру ли, к худу ли – не подпускают” [6].

Хочется надеяться, что доля правды в этой шутке в контексте Трансарктики заключается в том, что в арктической политике все же восторжествовал реализм, и адепты конструктивизма не смогут влиять на ее формирование.

Но практикам все же приходится иметь дело с унаследованным конструктом “бесконфликтности”. Так, глава МИД РФ С.В. Лавров, приняв от лица России 20 мая 2021 г. в Рейкьявике (Исландия) председательство в межправительственном форуме “Арктический совет”, на своей итоговой пресс-конференции прибегнул к традиционной риторике. “Исходим из того, – заявил министр, – что Арктика должна оставаться территорией мира, стабильности и конструктивного взаимодействия. *Не видим здесь потенциала для конфликта* и тем более для развертывания программ

⁴ Мурманские инициативы М.С. Горбачева стали прелюдией к развитию Баренцева/Евроарктического сотрудничества. Предлагалось создание в регионе безъядерной зоны, ограничение военно-морской деятельности, развитие сотрудничества в сфере арктических научных исследований, охраны окружающей среды и освоения ресурсов в регионе. Предполагалось и открытие Северного морского пути.

⁵ *Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года.* [The Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035. (In Russ.)] Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/f8ZpjhAaQ0WB1zjywN04OgKil1mAvAM.pdf> (accessed 23.08.2021).

⁶ *О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года.* [Strategy for the Development of the Russian Arctic Zone and Ensuring National Security until 2035. (In Russ.)] Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPAQQfxN6Xlt6ti6XzpTVAvOy.pdf> (accessed 23.08.2021).

военно-политических блоков. Удовлетворены, что большинство наших партнеров придерживаются таких же позиций (курсив мой. — Авт.)”⁷.

Это заявление лишь на первый взгляд диссонирует с формулировкой “Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года”. Ибо оно было призвано сигнализировать миру о намерении РФ проводить неконфронтационную, миролюбивую политику в регионе, обеспечить преемственность общеарктической повестки, а также продемонстрировать приверженность России ответственному управлению развитием региона.

Вспомним знаменитый афоризм римского военного историка Флавия Вегетия (V в.) *“Si vis pacem, para bellum”* (“Хочешь мира – готовься к войне”). В этом контексте следует воспринимать и проведенную весной 2021 г. беспрецедентную операцию российского Северного флота “Умка-2021” по одновременному всплытию из-под льда в заданном районе радиусом 300 м трех атомных подводных лодок. Операция наглядно продемонстрировала виртуозное мастерство российских подводников и заставила задуматься их потенциальных противников.

Афоризм Флавия Вегетия имеет и менее известное продолжение: “Никто не осмелится вызывать и оскорблять того, о ком он знает, что в сражении тот окажется сильнее его”. Главе минобороны РФ С.К. Шойгу “Умка-2021” позволила весомо заявить: “Благодаря принятым мерам Северный флот способен эффективно противостоять имеющимся вызовам и угрозам России в Арктике”. И заметить: “Конкуренция за доступ к ресурсам Северного Ледовитого океана и транспортным коммуникациям между ведущими государствами мира возрастает” [7]. Иными словами, констатация министром наличия вызовов и угроз России в Арктике не оставляет апологетам бесконфликтности в высоких широтах весомых аргументов.

ТРЕНДЫ НОВОЙ АРКТИКИ

Понятие “Новая Арктика” введено в широкий политический оборот экспертной исландско-гренландской комиссией, подготовившей под эгидой МИД Исландии доклад “Гренландия и Исландия в Новой Арктике”⁸. По мнению его авторов, новизна Арктики объясняется “растущей напряженностью между сверхдержавами, обусловленной четырьмя основными факторами: изменением климата, интересами безопасности сверхдержав, новыми трассами морских перевозок, открывающимся доступом к ресурсам. ... Всего за одно десятилетие Арктика превратилась из изолированного периферийного региона в один из ключевых центров новой геополитики XXI в.” “Однако вместе с новыми возможностями возникают и новые риски”, – резюмировали эксперты⁹.

Арктика действительно сталкивается с катастрофическим изменением климата: региональное потепление идет вдвое быстрее глобального. В течение ближайших 20 лет в Северном Ледовитом океане ожидается открытие новых судоходных маршрутов между Европой и Азией, которые будут вдвое короче прежних. Прогнозируется расширение возможностей эксплуатации минеральных ресурсов Арктики, изменение морской фауны, смещение на Север мест обитания промысловых рыб

⁷ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Исландии Г.Т. Тордарсоном по итогам XII Министерской сессии Арктического совета, Рейкьявик, 20.05.2021. [Speech and Answers to Media Questions by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov During a Joint Press Conference with Icelandic Foreign Minister G.T. Thordarson Following the Results of the XII Ministerial Session of the Arctic Council, Reykjavik, 20.05.2021. (In Russ.)] Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4739617 (accessed 23.08.2021).

⁸ *Greenland and Iceland in the New Arctic: Recommendations of the Greenland Committee Appointed by the Minister for Foreign Affairs and International Development Co-operation*. Government of Iceland, the Ministry for Foreign Affairs, 2020. 274 p. Available at: <https://www.government.is/library/01-Ministries/Ministry-for-Foreign-Affairs/PDF-skjol/Greenland-Iceland-rafraen20-01-21.pdf> (accessed 29.08.2021).

⁹ *Ibid.*, p.15.

и зон их лова, а также бум арктического туризма. Соответственно, арктические державы будут вынуждены передвинуть севернее свои военные рубежи, максимально укрепляя национальную безопасность в высоких широтах.

Хотя Арктический совет, созданный четверть века тому назад (в 1996 г.) как межправительственный форум высокого уровня, официально абстрагировался от военной проблематики в регионе, сосредоточившись на проблемах экологии, экономической безопасности, устойчивого развития Арктики и спасания в ее суровых условиях, тем не менее сказать, что регион в XXI в. свободен от военного противостояния, значит выдать желаемое за действительное. Дело даже не в том, что вплоть до 2014 г. члены АС проводили ежегодные консультации на уровне начальников своих генеральных штабов, и не в том, что именно через Северный полюс по-прежнему пролегают траектории потенциального обмена ракетно-ядерными ударами РФ и США.

Дело в том, что Трансарктика – неотъемлемая часть современной системы межгосударственных отношений, кризисные явления которой закономерно транслируются и в этот регион. Косвенным свидетельством этому, как точно подметил профессор политологии Макалестерского колледжа Э. Латам, являются положения последнего доклада Минобороны США касательно арктической стратегии¹⁰. В документе в контексте анализа американских интересов в Арктике и предполагаемых угроз для них в качестве основных акцентируется деятельность РФ и КНР в Заполярье, которая, по мнению авторов документа, «может нарушить “стратегические планы США”, реализацию задач, связанных с конкуренцией США с Китаем и Россией в Индо-Тихоокеанском регионе и Европе» [8]. Не стоит забывать, что Арктика – потенциальный театр военных действий для Североатлантического альянса, который регулярно проводит здесь военные учения с заданным условным противником, очень похожим на Россию. И чем “старше” становится НАТО, тем большее внимание она уделяет Заполярию. Пока, к счастью, в трансарктической конфронтации задействованы “мягкосиловые” элементы. В этом контексте стоит отметить детальный анализ ситуации в Арктике, даваемый российскими экспертами в сфере безопасности (Лукин В.Н., Мусиенко Т.В., Лукин Ю.Ф., Журавель В.П., Краснопольский Б.Х. и др.) на ежегодных научно-практических конференциях “Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России”. Особо отметим сборник материалов конференции 2019 г. [9] Региональные реалии развеивают все иллюзии относительно планов НАТО в Трансарктике, а также демилитаризации региона.

К примеру, по мнению экспертов, практическая реализация принятых в 2009–2013 гг. в США таких документов¹¹, как Директива по национальной безопасности № 66 *National Security Presidential Directive (NSPD) 66 / Homeland Security Presidential Directive (HSPD) 25 (NSPD-66/HSPD-25)*, доклад Конгресса США по арктическим вопросам *Arctic Region Policy 2010*, а также Арктической стратегии США 2013 г. позволили американцам сформировать “новую систему подготовки экипажей надводных боевых кораблей для действий в арктических условиях, увеличить подводную компоненту и контингент ВМС США в арктических морях, а также уплотнить график патрулирования истребительной авиации ПВО и самолетов противолодочной обороны в зоне ответственности NORAD”¹² [9, сс. 153-154]. Модернизированы военные объекты в зоне ответственности NORAD на Аляске. Укреплению системы NORAD в целом способствовали и нововведения на реанимированной в Исландии американской базе в Кефлавик.

¹⁰ Report to Congress. Department of Defense Arctic Strategy. Office of the Under Secretary of Defense for Policy. 2019. 19 p. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (accessed 29.08.2021).

¹¹ См.: *Strategic Importance of the Arctic in U.S. Policy: Hearing before a Subcommittee of the Committee on Appropriations, United States Senate, One Hundred Eleventh Congress, Special Hearing, August 20, 2009*. Anchorage, AK. Washington: U.S. G.P.O.: For sale by the Supt. of Docs., U.S. G.P.O., 2010; *Report to Congress on Arctic Operations and the Northwest Passage*. U.S. Department of Defense, 19.05.2011. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/Tab_A_Arctic_Report_Public.pdf (accessed 24.09.2021); *National Strategy for the Arctic Region*. U.S. Department of Defense, 10.05.2013. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2013_Arctic_Strategy.pdf (accessed 21.09.2021).

¹² *North American Aerospace Defense Command* – Командование воздушно-космической обороны Северной Америки, объединенная система аэрокосмической обороны США и Канады.

Взгляд на Арктику через “розовые очки”, смягчающие рельеф арктического плацдарма гибридной войны, все еще встречается в экспертной среде. В частности, затушевываются арктические амбиции Организации Североатлантического договора, проводится разграничение ее и американских интересов, хотя любой журналист, общавшийся с натовцами в штаб-квартире в Брюсселе или в Монсе (центральный штаб объединенных вооруженных сил НАТО в Европе), кстати, всегда возглавляемом четырехзвездным генералом/адмиралом США, знает, что последнее слово в альянсе всегда остается за американцами.

Это заставляет автора вспомнить беседы-интервью с главкомом (январь 1977 – февраль 1989 гг.) Объединенными Вооруженными силами государств – участников Организации Варшавского договора (ОВД), противостоявшими НАТО, маршалом Советского Союза В.Г. Куликовым [10; 11]. Из откровенной беседы с этим опытным военачальником становилось очевидно, что руководство СССР (военное и политическое) пребывало в иллюзиях относительно союзников по ОВД, вероятность их вступления в НАТО после распада Варшавского договора не просчитывалась, а поэтому документально не фиксировались обязательства экс-союзников не присоединяться к Североатлантическому альянсу. Соответственно, в процессе демонтажа ОВД советское руководство не договорилось с Западом ни о будущей структуре европейской безопасности, ни о запрете расширения НАТО на Восток.

Это яркий пример того, чем чреваты иллюзорные конструкты в мировой политике, какие “неопределенности” произрастают из десекьюритизации объективной реальности. Здесь, как представляется, правомерно провести параллель с оценками ситуации в Трансарктике.

Арктическая проблематика в моем интервью с маршалом Советского Союза В.Г. Куликовым не обсуждалась, но высказанные боевым ветераном идеи, на мой взгляд, вполне актуальны и применимы к Трансарктике: “НАТО – потенциальный противник. Не зря наше руководство против его расширения”. “Как показывает практика..., договоры порою не соблюдались. Поэтому уверенности в жизненности договоров у меня мало”. А вот данная им оценка альянса: “НАТО – военный блок, агрессивный блок, который был направлен против СССР, против социалистических стран. В какой-то степени эта характеристика актуальна и сегодня”. “Может ли быть повторение холодной войны? В наших условиях, когда обстановка меняется, все может быть”. «Мы сейчас официально говорим – вероятный противник, не называя какой. А я однозначно говорю: “У нас противник – США”. Посмотрите. Камрань сократили мы? Кубу сократили? А США в Норвегии как имели пункты слежения, так и имеют. На Аляске имеют пункты слежения, следят за нами. Они делают то, что считают нужным. А мы пока не делаем» [11].

В западных оценках ситуации в Заполярье присутствуют признаки секьюритизации, обусловленной раздражением Запада от воссоединения стратегически и геополитически важного Крыма с Россией, а также из-за усиления российского оборонного потенциала в Арктической зоне РФ. Настороженность западных оппонентов вызывают и российско-китайское сотрудничество в Арктике, и совместные военно-морские учения РФ и КНР в других акваториях, опыт взаимодействия которых ими проецируется на высокие широты. Наиболее яркое проявление сино-руссофобии в Трансарктике – проведенная в канун X министерской встречи Арктического совета в финском Рованиemi (2019 г.) и получившая скандальный международный резонанс пресс-конференция госсекретаря США М. Помпео (апрель 2018 – январь 2021 гг.), ранее возглавлявшего Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США (2017–2018)¹³. Тезисы, озвученные М. Помпео на пресс-конференции, получили развитие в стратегических документах США и их партнеров, в том числе в НАТО.

¹³ Pompeo M.R. *Looking North: Sharpening America's Arctic Focus*. U.S. Embassy in Estonia. 06.05.2019. Available at: <https://ee.usembassy.gov/americas-arctic-focus/> (accessed 29.08.2021).

Анализируя дремлющий конфликтоген в Арктике, нельзя забывать, что Трансарктика – это виртуальная скрепа двух других транснациональных политических пространств, известных как *Trans-Atlantic* (Трансатлантика), *Trans-Pacific* (Транстихоокеания). Не случайно обширное поле ответственности Объединенного командования ВС США в зоне Тихого океана (*USPACOM*), реорганизованного в 2018 г. в Индо-Тихоокеанское командование (*USINDOPACOM*), охватывало не только акваторию Тихого океана, но и Аляску, районы Арктики, прибрежные регионы Южной Азии Индийского океана¹⁴.

В этой связи примечателен пассаж из обнародованной летом 2020 г. Арктической стратегии ВВС США. «Возрастающее стратегическое значение Арктики требует, чтобы военно-воздушные силы могли защищать интересы страны в этом регионе, который является “перекрестком” США и двух критически важных районов, Индо-Тихоокеанского региона и Европы. Арктика становится все более важным районом для интересов национальной безопасности США», – констатирует документ. В нем также акцентируется, что “из-за достижений великих держав-конкурентов (РФ и КНР. – Авт.) Арктика становится и угрозой для Америки”¹⁵.

Логическим продолжением принятия этой стратегии стало решение Пентагона о создании шестого регионального центра Минобороны США – Центра имени Теда Стивенса по исследованию вопросов безопасности Арктики (*Ted Stevens Center for Arctic Security Studies*). Курировать его создание будет отставной генерал-майор ВВС США Р. Ки, назначенный старшим советником по вопросам безопасности в Арктике. Ему вменена в обязанности работа со странами-партнерами “по обеспечению стабильного, основанного на правилах порядка в Арктике”. Правила, видимо, определяют сами США, ибо основной международный правовой акт – Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. (*UNCLOS*) – Вашингтон так и не ратифицировал.

Кстати, у Р. Ки серьезный послужной список. В 2020 г. он был назначен главой комиссии США по арктическим исследованиям, а до этого – возглавлял центр по Арктике в Министерстве внутренней безопасности США.

Дремлющий в Трансарктике конфликтоген требует особого внимания в контексте введомой Вашингтоном НАТО. Еще в январе 2009 г. на конференции НАТО по вопросам безопасности Крайнего Севера в Рейкьявике (Исландия) альянс объявил Арктику стратегически важным регионом, требующим переосмысления военной доктрины НАТО с учетом геополитических реалий XXI в. Тогдашний генеральный секретарь альянса Яап де Хооп Схеффер (январь 2004 – август 2009 гг.) объявил, что “НАТО будет нуждаться в усилении военного присутствия в Арктике”¹⁶. И витиевато завуалировал суть: “НАТО необходимо определить, где Североатлантический союз с его уникальными компетенциями может принести пользу”¹⁷. Примечателен тот факт, что данная конференция в Рейкьявике была проведена вскоре после подписания президентом США (09.01.2009) выше упомянутой директивы *NSPD-66/HSPD-25* (Арктической стратегии), в преамбуле которой подчеркивалось, что ее осуществление будет проводиться в строгом соответствии обязательствам Штатов по договорам, участником которых они являются. На юбилейном (к 70-летию НАТО) саммите альянса в 2019 г. северным рубежам зоны ответственности блока также было уделено самое пристальное внимание. Потенциальный противник альянса очевиден – Россия. Летом 2019 г. в одной из натовских публикаций подчеркивалось, что “в последнее время вновь встал вопрос, может ли Арктика восприниматься как арена военного соперничества” [12].

¹⁴ *USPACOM Area of Responsibility*. Jeanne M. Holm Center. Available at: https://vt.instructure.com/files/310759/download?download_frd=1 (accessed 29.08.2021).

¹⁵ Волков К. США обнародовали Арктическую стратегию для военно-воздушных сил. *Российская газета*, 22.07.2020. [Volkov K. The US Has Unveiled an Arctic Strategy for the Air Force. *Rossiiskaya gazeta*, 22.07.2020. (In Russ.)]

¹⁶ Храмухин А. В перспективе – Арктический фронт. *Независимая газета*, 04.02.2009. [Hramchihin A. In the Future – the Arctic Front. *Nezavisimaya gazeta*, 04.02.2009. (In Russ.)]

¹⁷ *NATO Discusses Security Prospects in the High North*. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_49745.htm?selectedLocale=en (accessed 29.08.2021).

Касаясь военно-стратегической составляющей альянса в Трансарктике, напомним о военной базе США и радиолокационной станции в Туле (Гренландия). Недаром Дональд Трамп, будучи президентом США (январь 2017 – январь 2021 гг.), эпатировал мир намерением выкупить Гренландию у Дании. Есть у США и авиабаза в Кефлавике (Исландия), своеобразный “непотопляемый авианосец” в Северной Атлантике.

Заслуживает внимания усиление милитаристских амбиций у традиционно нейтральных арктических государств – Финляндии и Швеции. Недавно они подписали со своим скандинавским соседом – членом НАТО, Норвегией, соглашение, подразумевающее более тесное военное сотрудничество в субрегионе. Весьма симптоматично и прошлогоднее обновление Швецией своей арктической стратегии от 2011 г. за счет включения в нее главы, посвященной политике безопасности¹⁸.

На фоне недавно созданного в южном полушарии союза англосаксов *AUKUS*¹⁹, настораживает интерес Великобритании к участию в военных учениях в высоких широтах и ее предложение содействовать, вплоть до задействования подводных лодок, охране территориальных вод Канады. Не зарождается ли на Крайнем Севере новая модификация “англосаксонской триады” – *CUKUS* (Канада–Великобритания–США)? Тем более что в феврале 2021 г. сообщалось о договоренности Вашингтона и Оттавы модернизировать объединенное Командование аэрокосмической обороны Северной Америки и запустить расширенный диалог по Арктике, охватывающий и вопросы континентальной безопасности.

Глава МИД России С.В. Лавров, выступая в феврале 2020 г. на Международной конференции по безопасности и сотрудничеству в Мюнхене, фактически подтвердил актуальность точки зрения маршала Советского Союза В.Г. Куликова, высказанной почти 20 лет назад: «Нагнетание напряженности, продвижение военной инфраструктуры НАТО на восток, беспрецедентные по размаху учения у российских рубежей, накачка оборонных бюджетов сверх всякой меры – все это генерирует непредсказуемость. В “железе” воссоздается структура противостояния “холодной войны”» [13]. Эти слова в полной мере относятся и к Заполярью.

Повышение военно-стратегического внимания к региону со стороны США и НАТО, пересмотр своих региональных стратегий другими арктическими странами, а также расширяющееся присутствие в Арктике стран-внерегионалов вкпе отражает нарастающий конфликтный потенциал Трансарктики. Соответственно, российское председательство в Арктическом совете сталкивается с необходимостью учета этих нюансов региона при реализации своей программы, рассчитанной на 2021–2023 гг.

Имплементация программы проходит под девизом “Ответственное управление для устойчивой Арктики”²⁰. Заложенные в ней основные направления полностью коррелируют с задачами по реализации принятого на XII заседании АС Стратегического плана (СП) на 2021–2030 гг. Россия первой взялась за его реализацию. Достижение поставленных в СП целей обеспечит взаимодействие арктических государств и в регионе, и на международных площадках, выводя АС за региональные рамки²¹.

Касаясь реализации поставленной СП задачи по “обеспечению безопасности всех жителей и гостей Арктики от рисков стихийных бедствий и антропогенных катастроф”, отметим весьма своевременное, на второй день российского Председательства в АС, появление в арсенале РФ аппарата дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ)

¹⁸ *Strategi for den arktiske regionen* [Strategy for the Arctic region (In Swed.)] Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/skrivelse/strategi-for-den-arktiska-regionen_H8037 (accessed 29.08.2021).

¹⁹ Трехсторонний оборонный альянс, образованный Австралией, Великобританией и США. О заключении соглашения о совместном оборонном сотрудничестве его участники объявили 16 сентября 2021 г.

²⁰ *Russia's Chairmanship Programme for the Arctic Council 2021–2023*. Arctic Council. 2021. Available at: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2646> (accessed 29.08.2021).

²¹ *Arctic Council Strategic Plan 2021 to 2030*. Arctic Council. 20.05.2021. Available at: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2601/MMIS12_2021_REYKJAVIK_Strategic-Plan_2021-2030.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 21.05.2021).

“Арктика-М”. Осуществляя круглосуточный мониторинг поверхности Земли и морей Северного Ледовитого океана, он не только фиксирует все действующие вулканы северного полушария Земли, включая Фаградальсфьядль, что в 40 км от Рейкьявика, но и обеспечивает оптимизацию всех экстренных служб РФ [14].

На XII заседании Арктического совета РФ С.В. Лавров вновь поднял вопрос о возобновлении консультаций начальников генштабов ВС арктических стран, приостановленных в 2014 г. по инициативе участвующих в АС стран – членов НАТО, что явилось следствием заморозки альянсом всех контактов с РФ по военной линии после кризиса на Украине. Впервые данный вопрос российский министр иностранных дел поднимал еще в 2017 г., выступая на X министерской встрече АС в Фэрбенксе (Аляска, США). И хотя в тот раз в неформальной атмосфере рабочего завтрака министры арктических государств оживленно обсуждали политику безопасности, в ходе официального заседания Арктического совета напоминание С.В. Лаврова о замороженном механизме, доказавшем свою эффективность в качестве меры по укреплению доверия, было проигнорировано и не получило отражения в Итоговой декларации X заседания.

В Рейкьявике это напоминание тоже не вызвало энтузиазма коллег-министров, хотя на этот раз Россия предложила начать с “малых шагов” – со встреч военных экспертов генштабов вооруженных сил арктической восьмерки. И все же С.В. Лавров выразил надежду, что в период ротационного председательства Российской Федерации условия для того, “чтобы и этот аспект совместной коллективной безопасности вернулся в работу АС”, созреют. Ведь речь идет не о “жесткой безопасности”, которой Арктический совет действительно не занимается, а об использовании вооруженных сил для обеспечения комфортных условий жизни в Заполярье. В том числе для “преодоления последствий различных катастроф, обеспечения комфортных условий морской деятельности, поиска и спасания в ситуациях, когда нужно выручать людей, попавших в беду”²².

Тренды “Новой Арктики” могут спровоцировать рост противоречий непосредственно в Арктическом совете. Во-первых, триггером напряженности может стать рост национального самосознания Гренландии, наделенной в Датском королевстве широкой автономией. Уже на XII министерском заседании АС в Рейкьявике председательствовавшая Исландия дала слово в рамках выделенного Дании времени двум ее широким автономиям – Гренландии и Фарерским островам. Учитывая, что Копенгаген обязан своим арктическим статусом исключительно этим двум автономиям, в будущем в АС не исключен накал страстей из-за передела ими арктических компетенций.

Гренландия демонстрирует явное желание балансировать между соперничающими арктическими державами – США и РФ. Презентуя гренландскую арктическую стратегию на виртуальной платформе Международной ассамблеи “Арктический круг”, министр промышленности, торговли, иностранных дел и климата Гренландии П. Броберг проявил максимум дипломатичности. Не желая обострять отношения с Россией, он дистанцировался от НАТО: «Мы склоняемся к исландской модели обеспечения безопасности, при которой традиционную нагрузку несет служба береговой охраны, а в экстренной ситуации поддержку Гренландии окажут США, ибо остров “важен для их обороны”... Мы не думаем о НАТО, мы не стремимся создать напряженность, а реально пытаемся снизить ее с помощью функций береговой охраны» [15]. Министр также подчеркнул свое намерение воспользоваться приглашением С.В. Лаврова и посетить Российскую Федерацию.

Пока гренландское статус-кво Россию устраивает. Комментируя визит госсекретаря США Э. Блинкена в Гренландию для обсуждения военного сотрудничества, глава МИД РФ подчеркнул: “Что касается Гренландии, это не совсем рядом с нашими границами. Это решение, как я понимаю, датского правительства, в каких формах выполнять

²² Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова... Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/4739617 (accessed 23.08.2021).

свои союзнические обязательства перед США, учитывая, в том числе, внутреннее государственное устройство Дании, отношения Копенгагена с Гренландией²³.

Во-вторых, триггером противоречий в Арктическом совете может стать ревизия института наблюдателей, запланированная XII заседанием АС. В его итоговой декларации Старшим должностным лицам Совета поручается к XIII министерскому заседанию АС (2023 г.) пересмотреть роль наблюдателей, способы их участия в работе АС, оценить их деятельность на предмет сохранения за ними XIII заседанием АС этого статуса. В настоящее время наблюдателями в Арктическом совете являются 13 неарктических государств, 13 межправительственных и межпарламентских организаций, 12 неправительственных организаций.

Россия не заинтересована в пополнении института наблюдателей АС своими недоброжелателями. Она сумела дипломатично использовать механизм консенсуса в АС для блокировки приема нежелательных кандидатур. Пример тому – удаление из повестки дня XII заседания АС самого пункта о пополнении списка наблюдателей. А ведь на протяжении всей работы XII заседания АС основной интригой оставался вопрос, получат ли статус наблюдателя АС настоятельно лоббируемые председательствовавшей в Совете Исландией Чехия и Эстония, развязавшие в апреле 2021 г. в отношении РФ громкий дипломатический скандал. Напомним, что 17 апреля 2021 г. Чехия обвинила российскую разведку во взрывах на складах боеприпасов в 2014 г. во Врбетице. В знак солидарности с Прагой власти Литвы, Эстонии и Латвии также выслали ряд российских дипломатов, объявив их персонами нон грата.

АРКТИКА НЕ ДЛЯ “ЧЕРНЫХ ЛЕБЕДЕЙ”

Выступая в Архангельске в 2017 г., президент Финляндии С. Ниинисте проникновенно сказал: “Если мы потеряем Арктику, мы потеряем весь мир” [16]. В условиях хрупкой экосистемы Заполярья любая неопределенность, будь то военно-политический авантюризм, бесхозяйственность или неудачный демарш, чревата глобальной катастрофой. Задача АС – уберечь высокие широты от “черных лебедей”, под которыми с легкой руки американского эссеиста Н. Талеба понимаются катастрофические последствия непредвиденных явлений. Как же их избежать? Ответ и прост, и сложен: “Инерция, боязнь изменений, отсутствие смелости и системного видения приводят к поздней оценке рисков и утрате возможностей их купирования” [17].

Трансарктике, как и всему нашему миру, присуща “глобальная неопределенность”, обусловленная соотношением времени и пространства. Отсюда сложность экстраполяции на этот макрорегион вычлененных на основе системного подхода трендов, характерных для нынешнего этапа транзита миропорядка, и трудности прогнозирования дальнейшего развития Арктики, отказавшись от иллюзии ее бесконфликтности.

Уровень неопределенности в Трансарктике складывается из ряда факторов определенности, как естественных, природных, так и антропогенных, привносимых на глобальном и региональном уровнях. Правда, в XXI в. природные и антропогенные факторы столь сильно переплетаются, что отчасти этим и обусловлен накат глобальной неопределенности.

На уровне определенности сказывается текущее состояние климата. Его глобальное изменение в свою очередь связано с выбросами CO₂ и загрязнениями ледово-снежных поверхностей Арктики сажей. Кстати, тема глобального изменения климата, его связь с Арктикой достаточно конфликтны. Яркий пример – вышеупомянутый скандал на XI министерской встрече Арктического совета в финском Рованиеми.

С глобальным потеплением просматривается еще одна определенность, требующая повышенной готовности всемирных медико-эпидемиологических служб,

²³ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова... Указ. соч..

углубленного анализа на уровне Всемирной организации здравоохранения. Ибо в зоне стремительно тающей вечной мерзлоты высок риск высвобождения давно забытых вирусов, способных спровоцировать новые пандемии. Не исключено, что антиковидный мировой опыт может оказаться весьма востребованным в ближайшие десятилетия. Ведь в природных “холодильниках” Аляски покоятся жертвы “испанки”, а в Сибири наблюдается таяние вокруг могильников павшего в эпидемии скота. Никто не знает, что может вернуться из далеких эпох, когда начнутся разморозка останков мамонтов, динозавров, прочих обитателей Земли и проведение экспериментов генной инженерии по их возрождению. Готовы ли к глобальному потеплению службы безопасности захоронений ядерных отходов?

Таким образом, уровень определенности Трансарктики связан с текущим состоянием глобальной совокупной безопасности (военно-стратегической, экономической, экологической, информационной, продовольственной и т.д.), с взаимоотношениями ведущих арктических держав, со степенью влияния в Трансарктике международных организаций, глобальных и региональных многосторонних институтов, с развитием научно-технического прогресса. Любая появившаяся непоследовательность в этих определенностях обуславливает неопределенность, затрудняя анализ и выработку прогноза. Хорошим подспорьем в этой ситуации могут стать экспертные нарративы соответствующих проблематике *think tanks* (аналитических центров). В частности, наработки основанного в 2015–2016 гг. как первого аналитического полярного центра Великобритании “Инициативы полярных исследований и политики” (*Polar Research and Policy Initiative, PRPI*), международной ассамблеи “Арктический круг” (Исландия), международных форумов “Арктические фронтеры” (Норвегия), “Арктика – территория диалога” (РФ), “Примаковские чтения” (РФ) и др.

Поскольку Трансарктика – подсистема глобальных межгосударственных отношений с их кризисами и конфликтами, то и законы ее развития и функционирования также реализуются “через внешнеполитическую деятельность государств, от которой в решающей степени зависит, будет ли реализована содержащаяся в кризисе возможность конфликта или нет” [18, с. 167].

В Трансарктику сегодня в полной мере проецируется напряженность, сгенерированная в последние годы на глобальном уровне в треугольнике Россия–США–Китай. Как представляется, к этому “треугольнику” вполне подходит экспертная оценка, данная нынешнему этапу российско-американского взаимодействия: “Отношения приобрели характер стабилизированного конфликта, в котором каждая из сторон не заинтересована в его военном развитии и переходе в военную стадию, но готова к политической эскалации в любой момент” [19].

В процессе нынешней глубокой трансформации миропорядка спектр угроз, чреватых пробуждением конфликтогена в Трансарктике, тесно коррелирует с основными тенденциями современных международных отношений. В период своего председательства в Арктическом совете России придется купировать дестабилизирующее влияние таких трендов, как:

- милитаризация региона, гонка вооружений;
- изменение климата и его негативное влияние на экологическую, медико-эпидемиологическую, экономическую и логистическую безопасность;
- нарастание противоречий между арктическими странами, между ними и внерегионалами, в том числе в самом АС;
- нагнетание сино-русофобии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Лабетская Е.О. Трансарктика в контексте российских приоритетов. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 2, сс. 106–114. [Labetskaya E.O. Trans-Arctic in the Context of Russian Priorities. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 2, pp. 106–114. (In

- Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2015-2-106-114
2. Лабетская Е.О. Россия–ЕС: “soft-power risks” в евразийско-арктическом контексте. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 9, сс. 112-120. [Labetskaya E. Russia–EU: “Soft-Power Risks” in the Eurasian-Arctic Context. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 9, pp. 112-120. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-112-120
 3. Лабетская Е.О. Арктический вектор евразийского партнерства. *Наш дом – Евразия. Доклады и материалы Международной конференции*. Москва, Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, 2018, сс. 69-80. [Labetskaya E.O. The Arctic Vector of the Eurasian Partnership. *Our Home is Eurasia. Reports and Materials of the International Conference*. Moscow, International Institute of Pitirim Sorokin – Nikolai Kondratiev, 2018, pp. 69-80. (In Russ.)]
 4. Borgerson S. Arctic Meltdown: the Economic and Security Implications of Global Warming. *Foreign Affairs*, March/April 2008, vol. 87, no. 2, pp. 63-77. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/arctic-antarctic/2008-03-02/arctic-meltdown> (accessed 10.12.2021).
 5. Heikkilä M. *If We Lose the Arctic: Finland’s Arctic Thinking from the 1980s to Present Day*. Popa, Rovaniemi, the Arctic Centre, University of Lapland, 2019. 149 p.
 6. Соловьев А.В. Все мы немного конструктивисты. *Россия в глобальной политике*, 08.07.2021. [Solovyov A.V. We are All a Little Constructivists. *Russia in Global Affairs*, 08.07.2021. (In Russ.)] Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/vse-my-nemnogo-konstruktivisty/> (accessed 08.07.2021).
 7. Петров И. Шойгу: США и НАТО наращивают морские и сухопутные группировки в Арктике. *Российская газета*, 13.04.2021. [Petrov I. Shoigu: The United States and NATO are Building Up Sea and Land Groups in the Arctic. *Rossiiskaya gazeta*, 13.04.2021. (In Russ.)] Available at: <https://rg.ru/2021/04/13/shoigu-ssha-i-nato-narashchivaiut-morskie-i-suhoputnye-gruppirovki-v-arktike.html> (accessed 29.08.2021).
 8. Latham A. Great Power Rivalry in the Arctic Circle is Heating Up. *The National Interest*, 16.02.2021. Available at: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/great-power-rivalry-arctic-circle-heating-178282> (accessed 29.08.2021).
 9. *Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России: Материалы научно-практической конференции (7 ноября 2019 г.)*. Москва, Издательский дом “ИМЦ”, 2020. 340 с. [Civilizational Aspects of the Development of the Arctic Regions of Russia: Materials of the scientific and practical conference (November 7, 2019). Moscow, Publishing House “IMC”, 2020. 340 p. (In Russ.)]
 10. Лабетская Е.О. Маршал Куликов: “Военные были слишком послушными” (интервью). *Время МН*, 06.09.1999. [Labetskaya E. Marshal Kulikov: “The Military Were Too Obedient” (interview). *Vremya MN*, 06.09.1999. (In Russ.)]
 11. Лабетская Е.О. Маршал Советского Союза Виктор Куликов: “Наш вероятный противник – США” (интервью). *Время новостей*, 28.05. 2002. [Labetskaya K. Marshal of the Soviet Union Viktor Kulikov: “Our Probable Opponent is the United States” (interview). *Vremya Novostei*, 28.05.2002. (In Russ.)]
 12. Lanteigne M. The Changing Shape of Arctic Security. *NATO Review*, 28.06.2019. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2019/06/28/the-changing-shape-of-arctic-security/index.html> (accessed 29.08.2021).
 13. Лавров С. Речь Сергея Лаврова на Мюнхенской конференции по безопасности. *Сеть Вольтер*, 15.02.2020. [Lavrov S. Sergey Lavrov’s Speech at the Munich Security Conference. *Voltaire Network*, 15.02.2020. (In Russ.)] Available at: www.voltairenet.org/article209257.html (accessed 29.08.2021).
 14. Новый российский спутник “Арктика-М” проконтролирует вулканическую обстановку. *Военно-промышленный курьер*, 21.05.2021. [The New Russian Satellite “Arctic-M” Will Monitor the Volcanic Situation. *Voenno-promyshlennyi kur’er*, 21.05.2021. (In Russ.)] Available at: <https://vpk-news.ru/news/62214> (accessed 21.05.2021).
 15. Лабетская Е.О. Гренландия усиливает позиции в Арктическом совете. *Независимая газета*, 17.06.2021. [Labetskaya K. Greenland is Strengthening its Position in the Arctic Council. *Nezavisimaya gazeta*, 17.06.2021. (In Russ.)] Available at: https://www.ng.ru/vision/2021-06-17/6_8176_vision.html (accessed 18.06.2021).
 16. *Speech by the President of Finland Sauli Väinämö Niinistö in Arkhangelsk: “If We Lose the Arctic, We Lose the Whole World”*. 04.04.2017. Available at: <https://www.presidentti.fi/en/news/president-niinisto-in-arkhangelsk-if-we-lose-the-arctic-we-lose-the-whole-world/> (accessed 07.08.2020).
 17. Дынкин А.А. Танец черных лебедей. Мировая премьера. *Интерфакс*, 29.03.2020. [Dykin A.A. Dance of Black Swans. World Premiere. *Interfax*, 29.03.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/interview/701437?fbclid=IwAR2PnUh7ZCVFeZxasvaolFmmlEM5oQTFoisHLXsxs1V-gQcistmCx7N-daA> (accessed 30.03.2020).
 18. Поздняков Э.А. *Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения*. Москва, Наука, 1986. 190 с. [Pozdnyakov E.A. *Foreign Policy Activity and Interstate Relations*. Moscow, Nauka, 1986. 190 p. (In Russ.)]
 19. Voitovskii F.G. US Strategy in a Changing World Order. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2021, vol. 91, no. 4, pp. 393-402. DOI: 10.1134/S1019331621040080

“CONFLICT-FREE ARCTIC”: PRO ET CONTRA**(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2021, no. 4, pp. 34-46)****Received 26.09.2021.****Accepted 15.12.2021.**

Ekaterina O. LABETSKAYA, (lbtskaya@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-4144-4444,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Analyzing the increasing tension in the world and the Trans-Arctic (the transnational political space of the Arctic), the author emphasizes the presence of a “dormant conflict gene” in the region and the need for Russia to take it into account when implementing its chairmanship in the Arctic Council (2021-2023). Not accepting the opinions that existed over the past decade about the Arctic as a “conflict-free region” the author identifies a range of threats fraught with the awakening of the “conflict gene”. Since the Trans-Arctic is a subsystem of global interstate relations with their crises and conflicts, the author considers the laws of its development and functioning through the foreign policy activities of states, which crucially determine whether the possibility of conflict will be realized or not.

The increased military and strategic attention to the region by the USA and NATO, the revision of the regional strategies by other Arctic countries, as well as the expanding presence of non-regional countries in the Arctic, together reflect the growing conflict potential of the Trans-Arctic. The author explains why saying that the region in the XXI century remains free from military confrontation means wishful thinking. Criticizing the view of the Arctic through “rose-colored glasses” that soften the landscape of the hybrid war platz in the Arctic, the author recalls her interviews with the commander-in-Chief of the Joint Armed Forces of the Warsaw Pact Member States, Marshal of the Soviet Union Viktor G. Kulikov.

Analyzing the “dormant conflict gene” in the Arctic, it is important to remember that the Trans-Arctic is a virtual bond of two other transnational political spaces, known as Trans-Atlantic, Trans-Pacific. Special attention is paid to the “dormant conflict gene” in the Trans-Arctic in the context of Washington-led NATO, which in 2009 declared the Arctic a strategically important region, requiring a rethinking of NATO's military doctrine, taking into account the geopolitical realities of the XXI century.

The paper uses the case-study methodology, a systematic approach, discourse analysis, the author's 15-year journalistic baggage of VIP interviews and her own observations on the “fields” of international forums.

Keywords: Arctic, Trans-Arctic, constructivism, securitization, political realism, “conflict gene”, geopolitics, Arctic Council, NATO, Trans-Atlantic, Trans-Pacific.

About the author:

Ekaterina O. LABETSKAYA, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Sector of General Problems of International Relations, Department of International Political Problems.

DOI: 10.20542/afij-2021-4-34-46